

«Закат» имперской и «восход» советской политики в провинции Синьцзян: дипломаты бывшей Российской империи и «советские консулы» в 1917–1920 гг.

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120021109-0

Наземцева Елена Николаевна

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000–0002–9232–0436.
E-mail: elenanazz@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.06.2022.

Аннотация:

Статья раскрывает особенности дипломатических отношений России и Китая в Восточном Туркестане (Синьцзяне) в 1917–1920 гг. После крушения Российской империи и начала Гражданской войны в России дипломаты, представлявшие интересы прежнего российского государства, остались на своих постах и продолжили исполнять свои обязанности. Так поступили и российские консулы в китайской пров. Синьцзян — А.А. Дьяков, В.В. Долбежев, В.Ф. Люба, А.И. Успенский. После Октябрьской революции руководство Советской России направило в Китай своих представителей, потребовав сложения полномочий консулов бывшей Российской империи. Власти Китая на официальном уровне не признали правительство Советской России и отказывались налаживать отношения с прибывшими представителями, в то же время позволив руководству приграничных провинций Китая, в частности провинции Синьцзян, осуществлять с ними неофициальные контакты. Прибывшие в Синьцзян представители Советской России потребовали не только прекращения полномочий бывших царских консулов, но и их выдачи, но получили отказ. Нестабильность ситуации в России и угроза введения частей Красной армии на территорию провинции вынудила ее власти продолжать контакты с советскими представителями, сохраняя при этом отношения с прежними консулами. События на фронтах Гражданской войны привели к тому, что власти Синьцзяна окончательно переориентировались на установление отношений с представителями Советской России, а бывшие царские консулы, кроме А.А. Дьякова, покинули Синьцзян, а затем и Китай.

Ключевые слова:

Китай, Советская Россия, Гражданская война, Синьцзян, консулы, советские представители.

Для цитирования:

Наземцева Е.Н. «Закат» имперской и «восход» советской дипломатии в провинции Синьцзян: консульства бывшей Российской империи и «советские консулы» в 1917–1920 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 5. С. 143–158. DOI: 10.31857/S013128120021109-0.

Разразившийся в 1917 г. в России революционный кризис и последовавшая за ним Гражданская война изменили положение российских консульств. С марта 1917 г. они представляли интересы Временного правительства. Большинство из них спокойно отнеслись к переменам на Родине и видели свою миссию в охране российских интересов и защите прав соотечественников до выбора нового русского правительства. Это касалось и российских консулов в Китае, в частности в Синьцзяне. О деятельности российских консулов в этой провинции периода Гражданской войны в России упоминалось в ряде исследований¹.

¹ См.: Бармин В.А. К вопросу о сотрудничестве бывших консулов царского и временного правительств России в Синьцзяне с белогвардейским движением // *Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: материалы конференции* / под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Азбука, 2003. С. 172–177; Бармин В.А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением в 1919–1920 гг. // *Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти*

К началу 1917 г. российские консульства в провинции Синьцзян находились в гг. Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Кашгаре и Шарасумэ. В Урумчи должность консула занимал А.А. Дьяков², в Шарасумэ и затем Кульдже — В.Ф. Люба³, в Чугучаке — В.В. Долбежев⁴, в Кашгаре — А.И. Успенский⁵.

После событий весны 1917 г. некоторые из консулов считали нужным объехать свои консульские округа и довести до русского населения информацию об изменении политического строя на Родине, а также привести бывших подданных Российской империи к присяге Временному правительству. Например, это сделал российский консул в Шарасумэ В.Ф. Люба⁶. В русские поселки «Китайского Алтая», образовавшиеся в этой части провинции на рубеже XIX—XX вв., в мае 1917 г. был направлен сотрудник консульства — прапорщик Мошкин. Из составленного им отчета⁷ следует, что русских подданных больше волновало окончание мировой войны, чем политические изменения на Родине.

Генеральный консул в Урумчи А.А. Дьяков спокойно отнесся к изменениям государственного строя России и был готов сотрудничать с общественными организациями и органами власти, но без столкновений, которые, по его мнению, могли бы привести к обострению политической ситуации в провинции⁸.

С развитием революционных событий на Родине положение российских консулов в Синьцзяне усложнялось: русское влияние в провинции сокращалось, со стороны местных жителей начались оскорбления русских подданных, китайская администрация стала

Б.П. Гуревича. Барнаул, 2006. С. 243–255; *Бармин В.А.* О сотрудничестве и взаимодействии российских консульств в Синьцзяне с белогвардейскими частями агамана Б.В. Анненкова в 1919–1920 гг. // *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология.* 2015. № 3/ 2. С. 28–33; *Шеметова Т.А.* Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции.* Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 332–338; *Шеметова Т.А.* О характере деятельности российских консулов в Синьцзяне в 1918–1920 гг. (на примере Кульджинского округа) // *Фундаментальные исследования.* 2015. № 2 (часть 23). С. 5240–5244 и др.

² Дьяков Алексей Алексеевич (Львович) (1876—?). С 1912 г. — консул в Кульдже, с 1913 по 1917 г. — консул в Турфане (фактически в Урумчи).

³ Люба Виктор Федорович (1861–1928 Париж (?)/ 14 июля 1928 г. Харбин (?)). В начале 1887 г. командирован в Кульджу. По возвращении из командировки им был представлен отчет. С 1 июня 1890 г. зачислен переводчиком в Министерство иностранных дел. С 1890 до 1894 г. — драгоман, в 1895–1899 гг. — секретарь генерального консульства в Урге. В 1899–1902 гг. — чиновник МИДа на правах консула в Гирине. В 1904–1906 гг. — консул в Урге, в 1907–1909 гг. — генеральный консул в Харбине, в 1910–1911 гг. — консул в Улясутае, в 1911–1913 гг. — генеральный консул в Урге, в 1913 по 1916 г. — временно управляющий консульством в Кобдо. В 1917–1919 гг. исполнял обязанности консула в Кульдже. *Источник:* АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1894. Лл. 2–3, 23, 28.

⁴ Долбежев Владимир Васильевич (1873–1958). В 1898–1900 гг. — драгоман российского генерального консульства в Урге, в 1905 г. — консул в Турфане, в 1906–1909 гг. — консул в Улясутае, в 1910–1920 гг. — консул в Чугучаке. С 1920 г. — в Пекине. *Источник:* Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии. М.: Наука, 2015. С. 285.

⁵ Успенский Александр Иванович (? — 1932). В 1910–1911 гг. — стажер Дипломатической миссии в Пекине, в 1912 г. — секретарь консульства в Кобдо, в 1913–1917 гг. — секретарь консульства в Кунанчэнцзы, в 1917–1920 гг. — генеральный консул в Кашгаре. В 1920 г. покинул Синьцзян. Умер в Харбине. *Источник:* Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии. М.: Наука, 2015. С. 289. АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 314.

⁷ Полный текст отчета см.: *Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н.* Русский анклав в Китайском Алтае в 1917 году: итоги колонизации русско-китайского приграничья // *Исторический курьер.* 2020. № 4. С. 67–86. URL: <http://www.istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-06.pdf> (дата обращения: 07.07.2022).

⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 429. Л. 151.

вводить налоги для российских граждан. Так, в середине августа 1917 г. было объявлено о введении налога *тунцуй* (единый налог). Размер налога составлял 5 % и выше от стоимости товаров. Российские консулы выразили протест, однако, как отмечал управляющий консульством в Кашгаре А.И. Успенский, «ожидать реальных результатов от этого протеста трудно»⁹. Катастрофически быстро падал курс рубля. К июню 1917 г. жизнь русских в Синьцзяне подорожала более чем в пять раз¹⁰, а к сентябрю 1917 г. — в 10 раз¹¹.

Власти провинции пытались сместить неугодных им российских консулов. Так, после Февральской революции илийский *даоинь* (правитель Илийского округа Синьцзяна) сделал все от него зависящее, чтобы сместить российского консула в Кульдже Л.Г. Бродянского¹². На его место был назначен В.Ф. Люба¹³.

В российское министерство иностранных дел консулами регулярно направлялись данные о падении русского престижа в провинции и в регионе в целом¹⁴.

Ситуация усугублялась последствиями восстания 1916 г. в Средней Азии — присутствием на территории провинции беженцев из бывшей Российской империи¹⁵. Переговоры между российской и китайской сторонами, призванные решить этот вопрос, начались в сентябре 1917 г. при помощи российских консулов. Всеми вопросами, связанными с возвращением беженцев в Россию, занимался Туркестанский комитет Временного правительства. Однако Октябрьская революция и победа советской власти в Туркестане приостановили эту деятельность¹⁶. Кроме того, уже с осени 1917 г. в Синьцзян стали прибывать беженцы из приграничных с Китаем российских территорий в поисках убежища от революционных потрясений. Губернатор провинции, чтобы не допустить распространения революционных настроений, официально закрыл границу. Консулы вступили с ним в переписку о пропуске гражданских лиц из России в Синьцзян и оказании им помощи, но падение авторитета российских властей сказывалось на возможностях дипломатической деятельности, поэтому все их попытки урегулировать беженский вопрос были безрезультатными.

С постепенным утверждением советской власти в России основной задачей российских консулов в Синьцзяне стала борьба с прибывающими в провинцию представителями большевистских властей и их попытками распространить свое влияние. Российские консулы в Китае, в отличие от их коллег в других странах, оказались практически на передовой линии этой борьбы. Особенно это касалось консулов в приграничных с Россией Маньчжурии и Синьцзяне. Если в Маньчжурии взрыв политической активности произошел в Харбине, где, благодаря КВЖД, было сосредоточено значительное количество русского населения, то в Синьцзяне ситуация была сложной из-за пестрой этниче-

⁹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 486. Л. 33.

¹⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 898. Л. 102.

¹¹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 486. Л. 37, 38.

¹² Бродянский Лавр Григорьевич (1900–1901). Секретарь и драгоман в российском консульстве в Ханькоу (1903–1904) и Шанхае (1906–1909). Вице-консул России в Корею в Чемульпо (1910) и в Сеуле (1911). Генеральный консул России в Кульдже (1913–1917).

¹³ Шеметова Т.А. Установление торгово-экономических и политических отношений Советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции*. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 332.

¹⁴ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3357. Л. 75.

¹⁵ По данным российских консульств, численность беженцев только в Илийском крае достигла 100 тысяч. *Источник: АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 448. Л. 146.*

¹⁶ Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н. Кирбеженцы и русские эмигранты в Западном Китае: пути решения беженского вопроса (по материалам НКВД РСФСР лета 1923 г.) // *Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия исторические науки. Философия. Религиоведение*. 2020. № 4 (133). С. 14.

ской картины, настроений местных народов, исповедующих ислам и недовольных политикой китайских властей, а также из-за бывших российских подданных, оказавшихся в провинции после восстания 1916 г. и сохранивших в своей памяти обиды на русские императорские власти. Положение в граничащих с Россией провинциях Китая обострялось стремлением советского руководства зажечь «факел мировой революции».

Российские консулы в Синьцзяне поддержали правительство А.В. Колчака и активно противодействовали представителям советских властей, которые вели политическую агитацию против «старых порядков» и отстаивающих их консулов бывшей Российской империи, а также пытавшихся наладить поставки в Советскую Россию товаров для нужд гражданского населения и Красной армии.

Агитация РСДРП(б) в Синьцзяне началась с весны 1917 г. По данным российского консульства в Чугучаке и документам самих агитаторов, с мая в городе находился представитель РСДРП(б) Яснецов с двумя помощниками — А. Ботвиным и Хафиз-Кария. Они выступали перед беженцами из России, как правило малограмотными, не имеющими определенных занятий, и призывали к погромам «капиталистов» русской фактории. Но беженцы не спешили поддерживать агитаторов. Тогда мишенью представителей большевиков стал российский консул в Чугучаке В.В. Долбежев. Яснецов образовал нелегальный «Союз служащих и рабочих», в который вошли беженцы, в основном казахи. Его членам внушали необходимость ликвидации российского консульства в Чугучаке. Затем руководители «Союза» обратились за содействием в Исполнительный комитет приграничного г. Бахты¹⁷ и совместно с ними подписали официальную жалобу на В.В. Долбежева¹⁸. В мае 1917 г. жалоба была направлена в Петроград министру иностранных дел П.Н. Милокову, министру юстиции А.Ф. Керенскому, председателю Государственной Думы М.В. Родзянко и российскому посланнику в Пекине Н.А. Кудашеву¹⁹.

Российский консул в Чугучаке обвинялся в том, что он «будучи полным властителем русской фактории при старой власти, чинил всякие преступные деяния»²⁰: укрывал военнообязанных, требовал пропуска у российских граждан, прибывающих в Китай, скрывал правительственные телеграммы и др. В жалобе перечислялись и «деяния» «гражданской жены» консула — Ахматовой, «которая «собирала крупные суммы, не давая обществу никаких отчетов о размере сборов и имея влияние на консула, фактически руководила общественной жизнью фактории, в результате чего ее текущий счет в местном банке возростал»²¹. Действия консула, по мнению авторов жалобы, подрывали престиж Временного правительства и способствовали обострению отношений служащих и рабочих с предпринимателями. Они требовали ареста В.В. Долбежева²².

Подобные выпады против консулов бывшей Российской империи имели место не только в Синьцзяне. В харбинской газете «Новости жизни» № 74 от 21 марта 1917 г. было опубликовано обращение местного Исполнительного комитета к министру иностранных дел Временного правительства с указанием, что «почти весь без исключения состав русских консульств на Дальнем Востоке далеко не удовлетворяет хотя бы минимальным требованиям гражданского отношения к русскому делу в Китае и Японии», значительная часть состава российских консульств на Дальнем Востоке носит немецкие фамилии и «имеет, по-видимому, настоящие немецкие души, а другая часть, хотя и русская по фамилиям, буквально поражает степенью своего развития, а особенно тем парази-

¹⁷ Интересно, что проживающие в г. Бахты и с. Захаровском сторонники большевиков считали г. Чугучак русской, а не китайской территорией.

¹⁸ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 97.

¹⁹ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 102, 135.

²⁰ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 92.

²¹ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 93.

²² *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 96–97.

тельным пренебрежительным отношением ко всем интересам русских людей, которое давно признано за общее явление для наших консулов за границей». Между тем «наши интересы в Китае и Японии так велики, что оставлять их защиту в руках этих убогих слуг старого режима представляется недопустимым»²³.

Публикация вызвала возмущение российских дипломатов. Генеральный консул в Тяньцзине П.Г. Тидеман оправил в Петроград и в миссию в Пекине ходатайство о восстановлении доброго имени «всех честных и добросовестных работников нашей консульской службы на Дальнем Востоке»²⁴. Он требовал у министерства немедленно послать на места особую комиссию «для восстановления честного имени всех не заслуживших брошенного на них пятна»²⁵.

Возмущение действиями харбинского исполнительного комитета высказали и консулы в Цицикаре и Ханькоу. Консул в Урумчи А.А. Дьяков 2 июня 1917 г. также направил в четвертый политический отдел Министерства иностранных дел письмо, в котором отметил, что всегда твердо руководствовался российским законом, трактатами России с Китаем, любовью к Родине и к ближнему²⁶.

В защиту консула в Чугучаке В.В. Долбежева выступил местный торгово-промышленный комитет, недавно организованный в городе. Его возглавлял сам В.В. Долбежев, «пользующийся очень большой популярностью как среди китайских, монгольских и киргизских местных властей, так и среди русских и китайских торговопромышленников»²⁷. Члены комитета в мае 1917 г. обратились к министру торговли и промышленности А.И. Коновалову с письмом, где перечисляли заслуги консула в развитии русской торговли и просили не переводить его в другое место, т.к. от этого могли пострадать русские торгово-промышленные интересы в Чугучаке и Западном Китае, «тем более что большая часть вывозимого из Синьцзяна сырья и хлопка шла на нужды армии». Представители Торгово-промышленного комитета выступали против деятельности любых других общественных организаций и комитетов в Чугучаке²⁸.

Русские торговцы также обратились к китайским властям Чугучака. Следует отметить, что деятельность большевистских агитаторов и особенно их обращение к казахским беженцам с целью организации выступлений против представителей торгового сообщества русской фактории Чугучака начала вызывать недовольство местных властей. В результате начальник уезда Чжань Цзиннань и начальник местного военного гарнизона подполковник Ма Фумин распорядились о приведении в боевую готовность войсковых частей и о немедленном принятии мер к предупреждению грабежей²⁹. Губернатор провинции Ян Цзэнсинь сообщил о сложившейся ситуации в Пекин, после чего министерство иностранных дел Китая дало строгое предписание губернатору принять усиленные меры к предупреждению грабежей и обратилось к российскому посланнику в Пекине с просьбой дать распоряжение российскому консулу в Чугучаке обратить особое внимание на подобные факты³⁰.

В августе 1917 г. представители чугучакского торгово-промышленного комитета, союза служащих и рабочих, мусульманского чугучакского комитета и других общественных организаций вновь обратились к министру иностранных дел и министру торговли и промышленности Временного правительства с просьбой о защите В.В. Долбежева, удалении из города большевистских агитаторов, «роняющих достоинство Российских гражд-

²³ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 244. Л. 224.

²⁴ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 244. Л. 223.

²⁵ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 244. Л. 225.

²⁶ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 429. Л. 150.

²⁷ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 100.

²⁸ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 103–104.

²⁹ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 119.

³⁰ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 120.

дан за границей» и стремящихся «внести смуту и раздор как среди российских граждан в Чугучаке, так и среди российских граждан и китайского туземного населения»³¹.

Однако Яснецов со своими товарищами продолжил деятельность. С осени 1917 г. она была направлена уже и против китайских подданных. В сентябре Исполнительный комитет в г. Бахты принудил китайских коммерсантов, торгующих в городе и в других приграничных пунктах, продать свои товары по пониженным ценам и закрыть торговлю³².

В октябре притеснения китайскоподданных купцов на приграничной территории усилились. В начале месяца бахтинская таможня задержала караван, принадлежавший китайским подданным кашгарлыкам, а также шестерых рабочих, бывших при караване. Затем на этих же китайских купцов уже на российской территории — в г. Бахты — напали 10 вооруженных людей и отняли у них весь товар, арестовали рабочих и деньги. Губернатор провинции Ян Цзэнсинь через российского посланника в Пекине просил Временное правительство предать виновных суду и взыскать с них убытки в пользу потерпевших³³. После этого чугучакские власти запретили русским коммерсантам вывозить из Чугучака в Бахты сырье. Генеральный консул в Урумчи А.А. Дьяков вынужден был поехать к Ян Цзэнсиню и просить его отменить этот приказ, что тот и сделал, благодаря хорошему личному отношению к А.А. Дьякову. Однако, как отмечал сам консул, при разговоре с дущюном ему «было стыдно ужасно за действия тех русских в Бахтах, кои учинили вышеописанные насилия над китайскоподданными кашгарлыками, кои этим путем оплевали имя — русское, осквернили это имя, дорогое каждому русскому, любящему Россию». Докладывая об этом российскому посланнику в Пекине и в четвертый политический отдел Министерства иностранных дел, Дьяков вынужден был подчеркнуть, что «русским крайне стыдно и тяжело здесь пред китайцами. Ведь наши коммерсанты вывозят отсюда на многие миллионы рублей... сырья, которое идет на оборону», и просил посланника помочь в разрешении этого дела и наказании виновных, чтобы Россией были удовлетворены «все законные претензии, пострадавших китайскоподданных кашгарлыков»³⁴. Однако 25 октября 1917 г. уже на российской территории прошла целая волна грабежей китайских купцов³⁵.

В начале 1918 г. Яснецов направил в Семипалатинский Совет народных депутатов подробный доклад о политической обстановке в Чугучаке, в ответ президиум Совета рекомендовал ему произвести выборы двух комиссаров на должности консула и секретаря. Не исключалась и посылка летучего отряда Красной армии в Чугучак «в случае затруднений». Но, по мнению самого Яснецова, пока «выборы произвести затруднительно», поэтому должность консула он решил занять сам. В конце концов его деятельность в Чугучаке, сопровождавшаяся угрозами грабежей, поджогов и т.д., привела к тому, что ни российский консул, ни китайские власти не желали ее больше терпеть. В марте 1918 г., после предварительного согласования с китайскими властями, Яснецов с двумя товарищами были арестованы консульством, переданы китайским властям, а затем высланы из провинции³⁶.

Руководство Советской России приложило немало усилий для установления официальных контактов с правительством Китая. С ноября 1917 г. Народный комиссариат иностранных дел начал переговоры с китайским посланником в Петрограде Лю Цзин-

³¹ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 103, 135.

³² *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 162.

³³ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 164.

³⁴ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 429. Л. 165.

³⁵ *Шеметова Т.А.* Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Сынцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции*. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 333.

³⁶ *АВПРИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 133.

жэнем. Параллельно принимались меры для организации советского дипломатического представительства в Китае. Однако Пекин не решался официально признать советских представителей и продолжал поддерживать отношения с бывшими царскими дипломатами³⁷. Более того, пекинское руководство было категорически против налаживания связей с большевиками³⁸, вместе с тем оно снабдило инструкциями китайские пограничные власти о необходимости доброжелательного отношения к ним³⁹.

Весной 1918 г. деятельность представителей Советской России в Синьцзяне активизировалась, основные события разворачивались в Илийском округе, а деятельность консула в Кульдже В.Ф. Любы оказалась в центре внимания и белых, и красных, а также китайских властей.

В марте 1918 г. в Синьцзян была направлена специальная комиссия для закупки продовольствия и «ознакомления китайских властей и населения с политикой Советского государства». 8 апреля 1918 г. Г.В. Чичерин направил китайской миссии в Петрограде ноту с требованием к пекинскому правительству прекратить официальные сношения с бывшими царскими дипломатами. В документе сообщалось о назначении официальных советских консульских агентов в Ургу, Чугучак, Кульджу. 10 апреля 1918 г. Семиреченский областной Совет народных комиссаров с разрешения Туркестанского краевого Совнаркома и Наркоминдел поручили Совету пограничного Джаркентского уезда пригласить китайских представителей для переговоров, на которых предполагалось рассмотреть вопросы о торговых связях, курсе рубля, возвращении в Семиречье беженцев восстания 1916 г. В это же время в Синьцзян была послана специальная делегация из Джаркента для оказания помощи беженцам. Советские представители прибыли в Кульджу, где были тепло встречены властями, и сразу потребовали отстранения от должности бывшего царского консула В.Ф. Любы⁴⁰.

Власти провинции обладали большей самостоятельностью в вопросах как внешней, так и внутренней политики. Они официально объявили о своем нейтралитете в отношении событий, происходящих в России, и закрыли границу. Однако, т.к. политическая ситуация в России не была ясна, а для администрации провинции были важны стабильность в регионе и экономические связи, они, выполняя инструкции Пекина, продолжали поддерживать отношения с консулами бывшей Российской империи, но одновременно начали налаживать связи и с прибывшими в провинцию представителями советской власти. *Даоини* некоторых приграничных округов осуществляли торговые операции с представителями большевиков, даже несмотря на проводимые большевиками реквизиции и насилие над китайскими подданными⁴¹.

24 июня 1918 г. в резиденции главы Илийского округа в г. Курэ состоялись переговоры с советскими представителями, в ходе которых глава округа заявил о своем желании установить дружеские отношения с новыми властями в России, добавив, что прежние отношения двух государств были сложными, т.к. Российская империя «обижала наш край»⁴².

³⁷ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М.: Наука, 1964. С. 318.

³⁸ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 54.

³⁹ Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: Олма-пресс, 2002. С. 85.

⁴⁰ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М.: Наука, 1964 С. 343–344.

⁴¹ Шеметова Т.А. Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции*. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 333.

⁴² Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М.: Наука, 1964. С. 344.

15 июля в Кульджу прибыл представитель совнаркома г. Верный Чегодаев и потребовал выдачи ему российского консула В.Ф. Люба, но получил от *чжэн шюу ши* (военного губернатора округа) отказ. В то же время Чегодаеву удалось договориться с китайскими властями о приезде в Курэ очередной советской делегации из пяти человек⁴³, которая прибыла в Курэ в июле 1918 г. и называлась «Чрезвычайная комиссия по международным делам». В нее вошли председатель совнаркома Джаркентского уезда Л.Д. Малинин, комиссар юстиции Д.М. Хоперский, председатель верененского уездного Совета депутатов П.М. Виноградов, студент К. Боранбаев, фельдшер Швецов⁴⁴.

Первоначально комиссия расположилась в Курэ, но затем переместилась в Кульджу, надеясь на контакты с консульством. Однако российское консульство иметь дело с представителями комиссии отказалось. Образовавшееся свободное время члены комиссии провели в местных питейных заведениях. Фельдшера Швецова за появление в пьяном виде на улице, площадную брань и угрозы в адрес прохожих консульство вынуждено было арестовать, а еще через день в арестантском помещении при консульстве оказался П.М. Виноградов. Как отмечал в письме Н.А. Кудашеву консул В.Ф. Люба, «скандальная хроника Кульджи обогатилась в эти памятные для здешних обывателей дни небывалыми и неслыханными здесь до большевиков дневной и ночной оргиями, учиненными членами «Чрезвычайной международной комиссии» при участии четырех дам местного полусвета, причем последние получили от представителей комиссии по 800 рублей каждая»⁴⁵.

Однако практически сразу же к российскому консулу прибыл *даоинь* Илийского округа Суй Гочжень в сопровождении вооруженных солдат и попросил об освобождении Виноградова как гостя китайских властей. Консул отказался и потребовал над ним консульского суда. *Даоиню* пришлось уступить. На основании статьи 42 Устава о наказаниях от 13 мая 1917 г. П.М. Виноградов был приговорен к тюремному заключению на три месяца⁴⁶.

Столь ревностная защита *даоинем* советского делегата вызвала толки среди населения, в том числе китайского. Упорно распространялся слух о том, что комиссии удалось привезти сюда до 10 пудов опиума (по 1000 рублей за фунт)⁴⁷.

Возвращение членов комиссии из Кульджи в Курэ и пребывание их там закончилось таким же скандалом⁴⁸. Следует отметить, что в начале января 1919 г. по поводу прибывших в Кульджу летом 1918 г. советских представителей официальный Пекин заявил, что они приезжали с его позволения для решения вопроса о возвращении беженцев, скрывавшихся в Илийском крае от революционных событий на Родине. Российский же консул незаконно арестовал их, хотя прибывшие представители советских властей «никогого преступления на китайской территории не совершали»⁴⁹. В то же время Пекин продолжал заявлять о своем неприятии советской власти в России и неприемлемости отношений с ее представителями.

Контакты синьцзянских властей с представителями новой власти в России продолжались. 17 августа 1918 г. в Кульдже была учреждена консульская коллегия, выполнявшая консульские функции и представлявшая Советскую Россию. В нее вошли представители Туркестанской республики и Семиреческой области. В конце сентября 1918 г. в Синьцзян был направлен Д.М. Хоперский как представитель Туркестанской АССР, облеченный консульскими полномочиями, при нем была учреждена должность коммерческо-

⁴³ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 11.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 19.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 20–21.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 25.

⁴⁷ Пуд — устаревшая единица измерения массы русской системы мер. С 1899 г. один пуд равен 16,3804964 кг, русский фунт — 0,40951241 кг.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 27.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 117.

го агента⁵⁰. 29 сентября 1918 г. руководители Советского Туркестана телеграфировали В.И. Ленину о направлении в Кашгар и Кульджу советских «консулов»⁵¹. Однако поскольку Пекинское правительство официально заявляло о своем отрицательном отношении к большевикам, местные китайские власти также заявляли об отсутствии официальных отношений с представителями большевиков⁵².

Чтобы не обострять отношения с китайской стороной, собравшийся в Верном областной съезд крестьянских, рабочих, солдатских и декханских депутатов постановил изменить должность Д. Хоперского на «особоуполномоченный по торговым делам области»⁵³. Только после этого *чжэн шоу ши* Илийского округа допустил Хоперского в Суйдун и Курэ⁵⁴. Д.М. Хоперский прибыл с крупной суммой денег, предназначенных для закупки товаров, и намеревался вести дела с самим *чжэн шоу ши*, т.к. последний являлся одновременно представителем крупной торговой фирмы «Тай фынь хо»⁵⁵.

Д. Хоперский развернул в Илийском округе бурную деятельность: открыл в Суйдуне отделение банка с капиталом в двадцать миллионов рублей, набрал штат служащих, которые закупали товары, вещи и скот для нужд Красной армии⁵⁶. За несколько месяцев через магазины фирмы «Тай фынь хо» было приобретено товаров на семь миллионов рублей⁵⁷.

Но уже в начале октября 1918 г. Д. Хоперский, находясь в Джаркенте, телеграфировал *чжэн шоу ши*, что джаркентский областной исполнительный комитет постановил прекратить в области частную торговлю, реквизировать все товары в пользу народных кооперативов и конфисковать все капиталы, кроме 12 000 рублей на каждого купца⁵⁸. Начались реквизиции, которые коснулись и русских подданных — чугучакских купцов, у которых фирмой «Тай фынь хо» был реквизирован чай. Российское консульство в Кульдже потребовало его вернуть, но фирма отказалась⁵⁹.

«Торговые операции» Д.М. Хоперского и фирмы «Тай фынь хо» вызывали недовольство российского консульства в Кульдже. В.Ф. Люба просил у Н.А. Кудашева распоряжения для выдворения Д. Хоперского из округа, а у *чжэн шоу ши* — возвращения консульству принятых от большевиков чая, а также опи́я⁶⁰. Полковник Хо Тэньцзы обещал в недельный срок возместить русским купцам стоимость чая, однако Хоперский денег так и не уплатил⁶¹.

⁵⁰ Шеметова Т.А. Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции*. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 334.

⁵¹ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М.: Наука, 1964. С. 344.

⁵² Шеметова Т.А. Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции*. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 334.

⁵³ *АВП РИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 29.

⁵⁴ *АВП РИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 30.

⁵⁵ *АВП РИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 29.

⁵⁶ *АВП РИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 56.

⁵⁷ Шеметова Т.А. Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции*. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 335.

⁵⁸ *АВП РИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. Л. 36.

⁵⁹ *АВП РИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 106.

⁶⁰ *АВП РИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 80.

⁶¹ *АВП РИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 109.

Рис. 1 Газета «Свободное слово»
Figure 1. Newspaper "Svobodnoe slovo"

Источник: Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 54.

ставителям в Кульдже и их борьбе против действий В.Ф. Люба русских подданных и беженцев, которых скопилось в Кульдже 50–60 тысяч. Купцы опасались, что в ходе вооруженного столкновения сторонников и противников большевиков между собой власти Сынцзяна не смогут оказать защиту своим торговцам. Китайское министерство иностранных дел потребовало от В.Ф. Люба вернуть задержанные у русских купцов товары и деньги «во избежание недоразумений»⁶². Однако консул, подчинившись телеграфному приказу российского посланника в Пекине, деньги не вернул, а сдал в Русско-Азиатский банк в Кульдже⁶³.

Для активизации борьбы с большевистским влиянием консульство в Кульдже с 14 октября 1918 г. возобновило издание агитационного листка «Свободное Слово», средства на издание которого собрал по подписке местное общество⁶⁴.

Лишь в ноябре 1918 г. Д.М. Хоперский был уличен в махинациях китайскими властями и задержан. В.Ф. Люба обвинил его во взвинчивании цен на кульджинском рынке и потребовал выдачи, но снова получил отказ⁶⁵.

Генеральный консул в Урумчи А.А. Дьяков поддержал В.Ф. Люба в его борьбе против представителей большевиков в Илийском округе и направил главному комиссару

Тогда российское консульство арестовало товары и деньги, принадлежащие торговой комиссии Хоперского. В ответ китайские торговцы во главе с Х. Мусабаявым заявили протест. Илийский *даоинь* передал его консульству и телеграфировал об этом в Урумчи и в Пекин⁶². Но другой представитель закупочной комиссии (Мотхе Калиш) заключил соглашение с фирмой «Тай фынь хо», и фирма продолжила снабжать большевистские власти Семиречья всем необходимым⁶³.

В.Ф. Люба потребовал выслать Д.М. Хоперского из Сынцзяна как уголовного преступника, уличенного в призывах к погромам консульства и продолжавшего фактически исполнять консульские функции. Однако китайские власти Илийского округа в официальных заявлениях сослались на несвоевременность высылки Хоперского и предложили выждать прибытия в Сынцзян Сибирского отряда из Джаркента⁶⁴.

В свою очередь, китайские купцы опасались присоединения к советским пред-

⁶² АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 30.

⁶³ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 29.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 93-а.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 52.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 128.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 34.

⁶⁸ Шеметова Т.А. Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Сынцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции*. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 335.

по делам иностранных сношений в Синьцзяне письмо, в котором напомнил о заключении трактатов, согласно которым российские консулы обладают правом внеземельности, а по отношению к русским подданным имеют право надзора и суда. Он также потребовал высылки Д.М. Хоперского⁶⁹.

Н.А. Кудашев неоднократно направлял в китайское министерство иностранных дел сообщения и памятные записки, в которых шла речь о сношениях китайских властей Илийского округа с большевиками Семиреченской области и просил удалить Хоперского. Китайское министерство иностранных дел в конце концов потребовало от *дуцзюня* Синьцзяна его высылки. Однако Ян Цзэнсинь убеждал руководство Китайской Республики в том, что «Хоперский прибыл в Илийский край в качестве купца для закупки у китайских и русских купцов товаров», а поскольку «торговые сношения между Китаем и Россией не прерваны, то не представлялось удобным воспрепятствовать ему производить торговые сделки». Власти Синьцзяна отрицали и открытие Д.М. Хоперским банка в Суйдуне. Лишь после официального заявления российской миссии о том, что Д.М. Хоперский фактически исполняет обязанности консула, *Вайцзяобу* в памятной записке от 26 ноября (9 декабря) 1918 г. сообщило Кудашеву, что властями Синьцзяна Хоперскому предписано «оставить китайские пределы»⁷⁰. Д.М. Хоперского выслали из провинции 24 декабря 1918 г., но не как преступника, а как официальное лицо, власти округа обеспечили ему сопровождение и охрану⁷¹. Тем не менее торговля с представителями большевиков продолжалась, о чем В.Ф. Люба писал Н.А. Кудашеву в донесении от 20 ноября 1919 г., обвиняя китайские власти в поддержке большевистских властей⁷².

Торговля с представителями большевиков осуществлялась не только в Илийском округе, но и в других округах провинции. Так, управляющий консульством в Кашгаре А. Успенский, обращаясь к синьцзянскому губернатору 12 ноября 1919 г., просил дать приказ уездному начальнику не допускать торговли с большевиками, «ибо это является поддержкой для большевиков, которые есть враги всякого правительства, в том числе и китайского»⁷³.

В феврале 1920 г., продолжая угрожать вводом на территорию Синьцзяна частей Красной армии, советские власти потребовали закрытия консульств, прекращения деятельности их сотрудников и выдачи консулов, а также всех офицеров и беженцев⁷⁴. В Кашгар прибыл агент отдела связи внешних сношений Комиссии ВЦИК по делам Туркестана А. Худайберганов и передал кашгарскому *даоиню* письмо от заведующего отделом внешних сношений Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК Г.И. Бройдо, в котором предлагалось полностью восстановить торговые сношения и выдать управляющего консульством А. Успенского и других российских консулов. Однако *даоинь* Чжу отказался выдать консулов и вообще допустить в округ представителей советской власти до их официального признания пекинским правительством, а в отношении восстановления торговых сношений обещал действовать согласно инструкциям своего правительства⁷⁵.

Власти Илийского округа также отказались принять требование большевистских властей о выдаче консулов, а на возможность введения частей Красной армии на территорию провинции отреагировали объявлением мобилизации сибинцев, солон и калмыков.

⁶⁹ *АВПРИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 127.

⁷⁰ *АВПРИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1554. Л. 101.

⁷¹ *Шеметова Т.А.* Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции*. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 335.

⁷² *АВПРИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 94.

⁷³ *АВПРИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 87.

⁷⁴ *АВПРИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Лл. 245, 279, 315.

⁷⁵ *АВПРИ*. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 315.

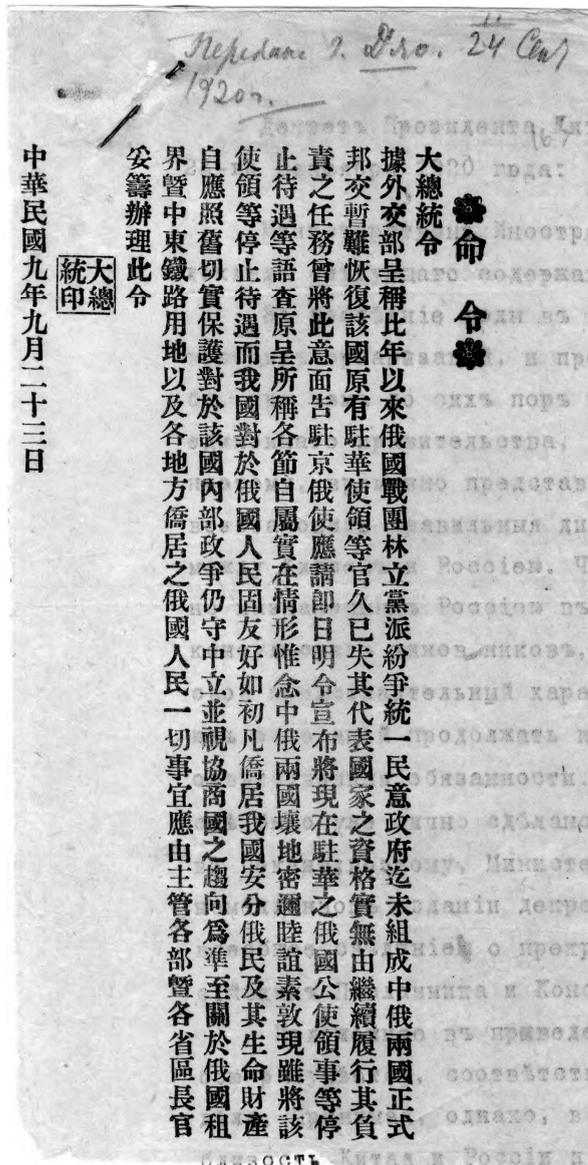

Рис. 2. Декрет президента Китайской республики
Figure 2. Decree of the President of the Republic of China

Источник: Ф. 188. Оп. 761. Л. 1598. Л. 163.

Вместе с тем *даоинь* Илийского округа попросил В.Ф. Люба «ввиду напряженного положения» приостановить деятельность консульства на несколько дней. Кроме того, по распоряжению *дуцзюня* были приняты меры «к усилению охраны консульства»⁷⁶. Фактическое блокирование российского консульства в Кульдже привело к тому, что по городу стали распространяться слухи об аресте консула и сотрудников. Слухи усиливал тот факт, что при передвижении по городу консула сопровождали вооруженные китайские солдаты⁷⁷. В конце концов В.Ф. Люба удалось убедить китайские власти восстановить прежний порядок работы консульства⁷⁸.

Однако инсинуации против консульства продолжались. Так, собранием торгового общества «Шанхой» при поддержке Сяочана, Х. Мусабаяева и Х. Бабашева было вынесено постановление об удалении из Кульджи российского консула. Параллельно поддерживался слух о сосредоточении частей Красной армии до двух-трех тысяч человек на границе с целью вторжения в Илийский округ⁷⁹.

В это же время власти провинции начали прилагать активные усилия для ведения переговоров с большевиками. В донесении в Пекин от 7 апреля 1920 г. В.Ф. Люба писал: «общее положение... заставляет нас быть готовыми к предложению китайцев в ближайшем будущем прекращения деятельности и закрытия консульства». Дополнительным свидетельством в пользу этого заключения являлось то, что в это время из Сынцзяна в Джаркент при поддержке китайских властей и

⁷⁶ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 245.

⁷⁷ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 280.

⁷⁸ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 281.

⁷⁹ По данным консульства, красноармейцев как в Кольджатском районе, так и на Хоргосе в тот момент было около 300 человек. Источник: АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 282.

«без ведома консульства» была направлена делегация русских поданных для переговоров о возвращении в Россию беженцев⁸⁰. Кроме того, в апреле 1920 г. китайские власти потребовали возвращения им ранее арестованных В.Ф. Люба большевистских денег и чая. Люба, разумеется, отказался⁸¹.

Положение консула осложнялось и его противоречиями с Омским правительством А.В. Колчака, которое пыталось установить контроль над денежными средствами консульства. В.Ф. Люба был категорически против этого, чем вызвал недовольство А.В. Колчака, требовавшего отставки консула. В.Ф. Люба также осуждал рейды, совершавшиеся белогвардейскими отрядами из Синьцзяна на приграничную территорию Советской России, т.к. справедливо считал, что это приведет к нарушению и без того хрупкого спокойствия на российско-китайской границе. Это вызывало возмущение атамана Б.В. Анненкова и других белогвардейских командующих⁸².

Жесткая позиция В.Ф. Люба по многочисленным вопросам, возникшими в регионе в период Гражданской войны, привела к тому, что он вынужден был оставить пост консула, фактически став разменной фигурой в дипломатической игре Белого движения, Советской России и китайских властей. В конце апреля — начале мая 1920 г. он покинул Синьцзян.

16 мая 1920 г. в Кульджу с разрешения китайских властей прибыла новая комиссия представителей Советской России — около двадцати человек. Комиссию возглавлял уполномоченный Отдела внешней торговли А.Р. Левитас,

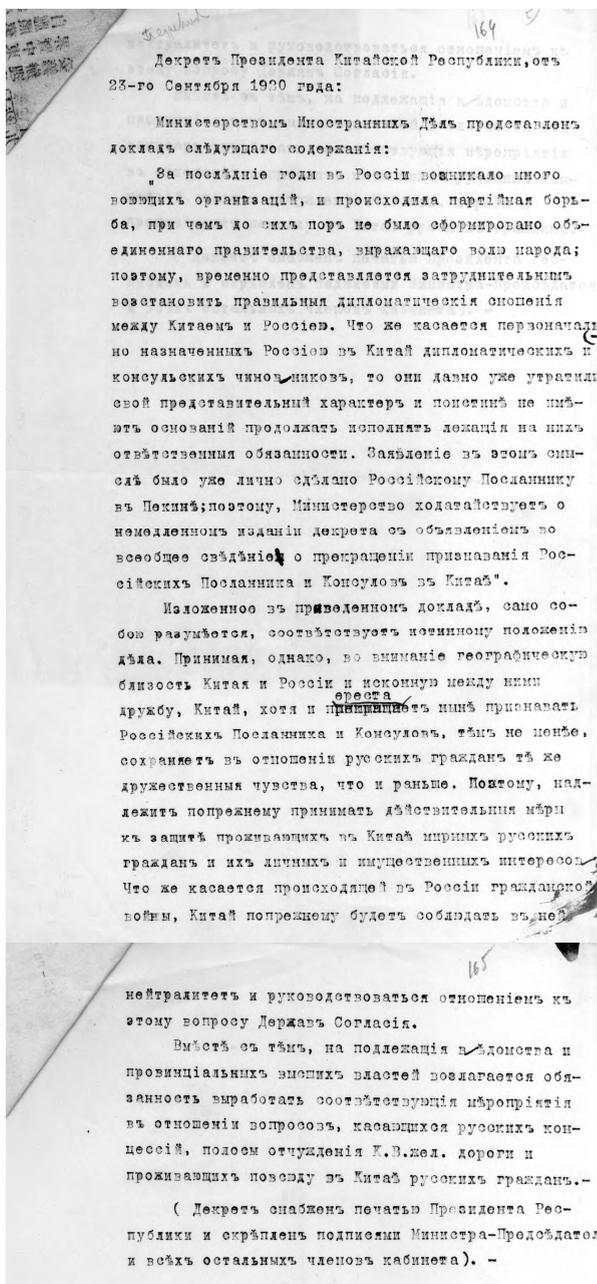

Рис. 3. Декрет президента Китайской республики
Figure 3. Decree of the President of the Republic of China

Источник: Ф. 188. Оп. 761. Д. 1598. Лл. 164–165.

⁸⁰ АВПР И. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 341.

⁸¹ АВПР И. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 386.

⁸² Шеметова Т.А. О характере деятельности российских консулов в Синьцзяне в 1918–1920 гг. (на примере Кульджинского округа) // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2 (часть 23). С. 52–42.

его сопровождали уполномоченный Отдела внешних сношений П.Е. Лимарев, Л.Я. Мангенштейн, И.А. Ржевский, Молчанский, Медянский, Кичатов и казачий конвой. Комиссия была командирована Народным комиссариатом иностранных дел для установления торговых сношений с пограничными округами Синьцзяна — Тарбагатайским, Илийским и Кашгарским. Однако китайские власти не торопились со встречей и были весьма осторожны. Комиссии пришлось некоторое время пробыть в Джаркенте, ожидая разрешения. Но, как отмечал управляющий консульством в Кульдже после отставки Люба Г.Ф. Стефанович, «китайцы, особенно в г. Кульдже, были все время настроены благожелательно к высоким советским гостям, так как они несли с собой заманчивые перспективы выгодной торговли; поэтому предположить, что остановка советской комиссии в гор. Джаркенте была следствием нежелания местных китайских властей видеть у себя большевиков, никоим образом нельзя»⁸³.

Получив разрешение губернатора Синьцзяна на пропуск комиссии, *даоинь* Илийского округа послал в г. Джаркент китайца Индишана — выпускника Петроградского технологического института, который приехал в Синьцзян из России в феврале 1920 г. и лучше, чем кто бы то ни было, знал все нюансы дипломатии с представителями советской власти. Индишану было поручено предъявить властям Туркестанской АССР требование о возмещении убытков, понесенных в Туркестане китайскими подданными в связи с реквизициями и конфискациями товаров со стороны советской власти в период Гражданской войны, и лишь после исполнения этих требований пригласить комиссию в Кульджу. Были и другие требования. Все они были удовлетворены, и комиссия прибыла в Кульджу⁸⁴. Китайской стороне было предложено следующее: 1) открытие границы в торговых целях; 2) поднятие курса рубля; 3) направление в Кульджу советского коммерческого агента и его помощника; 4) эвакуация всех беженцев, а особенно офицеров в пределы Советской России. По первому, третьему и четвертому пунктам китайцы ожидали решения Пекина, по второму пункту все зависело от мер, которые примет само советское правительство⁸⁵. В результате 27 мая 1920 г. между представителями РСФСР и *даоинем* Илийского округа Синьцзяна был заключен Илийский протокол об установлении дипломатических и торговых отношений и репатриации беженцев. Параллельно среди беженцев комиссией активно велась пропаганда и агитация за их возвращение в Россию. Однако в частных беседах, которые иногда происходили между казаками-беженцами и казаками-конвойцами, последние рекомендовали оставаться в Синьцзяне и не возвращаться на родину⁸⁶.

Деятельность большевистских представительств и различных комиссий привела к тому, что бывшие русские подданные и многие беженцы, опасаясь репрессий со стороны новой российской власти, стали переходить под покровительство Китая. По этому вопросу они обращались в бывшие царские консульства, которые еще продолжали работу⁸⁷. Однако осенью 1920 г. после официального Декрета президента Китая российские консульства в Китае прекратили свою деятельность⁸⁸.

Практически все бывшие российские консулы и сотрудники консульств покинули провинцию, а впоследствии и Китай. В Синьцзяне остался лишь А.А. Дьяков, благодаря личным связям продолживший оказывать помощь оказавшимся в эмиграции русским и бороться с усиливающимся в провинции советским влиянием.

Таким образом, российские консулы в Синьцзяне, несмотря на тяжелейшие условия революционного кризиса в России, продолжали выполнять свой долг. Их деятельность была направлена не только на осуществление функций по защите прав соотечест-

⁸³ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 412.

⁸⁴ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 422.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 423.

⁸⁶ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 423.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 510.

⁸⁸ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1598. Л. 163–165.

венников и реализации внешнеполитических решений российского руководства. В условиях Гражданской войны в России они противодействовали представителям новой власти, также фактически осуществлявшим функции консулов. Последние успешно использовали специфические этнополитические условия провинции и высокую степень автономии местных властей от центрального правительства Китая, а также их желание, несмотря на официальное закрытие границы, налаживать отношения с Советской Россией.

Литература

- Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н. Кирбеженцы и русские эмигранты в Западном Китае: пути решения беженского вопроса (по материалам НКВД РСФСР лета 1923 г.) // *Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия исторические науки. Философия. Религиоведение*. 2020. № 4 (133). С. 13–23.
- Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н. Русский анклав в Китайском Алтае в 1917 году: итоги колонизации русско-китайского приграничья // *Исторический курьер*. 2020. № 4. С. 67–86.
URL: <http://www.istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-06.pdf> (дата обращения: 07.07.2022).
- Бармин В.А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением в 1919–1920 гг. // *Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти Б.П. Гуревича*. Барнаул: Азбука, 2006. С. 243–255.
- Бармин В.А. К вопросу о сотрудничестве бывших консулов царского и временного правительств России в Синьцзяне с белогвардейским движением // *Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: материалы конференции* / под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Азбука, 2003. С. 28–33.
- Бармин В.А. О сотрудничестве и взаимодействии российских консульств в Синьцзяне с белогвардейскими частями атамана Б.В. Анненкова в 1919–1920 гг. // *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология*. 2015. № 3/2. С. 172–177.
- Документы из Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ).
- Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии. М.: Наука, 2015. 295 с.
- Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: Олма-пресс, 2002. 384 с.
- Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М.: Наука, 1964. 472 с.
- Шеметова Т.А. О характере деятельности российских консулов в Синьцзяне в 1918–1920 гг. (на примере Кульджинского округа) // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2 (23). С. 5240–5244.
- Шеметова Т.А. Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции*. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2003. С. 414–421.

“Fall” of Imperial and “Rise” of Soviet Policy in Xinjiang Province: Diplomats of the Former Russian Empire and “Soviet Consuls” in 1917–1920

Elena N. Nazementseva

Dr.Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9232-0436. E-mail: elenanazz@mail.ru

Received 27.06.2022.

Abstract:

The article reveals the peculiarities of diplomatic relations between Russia and China in East Turkestan (Xinjiang) in 1917–1920. After the collapse of the Russian Empire and the outbreak of the Civil War in Russia, diplomats representing the interests of the former Russian state remained in their posts and continued to perform their duties. So did the Russian consuls in the Chinese province of Xinjiang — A.A. Dyakov, V.V. Dolbezhev, V.F. Luba, A.I. Uspensky. After the October revolution of 1917 the leadership of Soviet Russia sent its representatives to China, demanding the resignation of the consuls of the former Russian Empire. The Chinese authorities at the official level did not recognize the government of Soviet Russia and refused to establish relations with the representatives who arrived, at the same time allowing the leadership of the border prov-

inces of China, in particular, Xinjiang province, to carry out informal contacts with them. The representatives of Soviet Russia who arrived in Xinjiang demanded not only the termination of the powers of the former tsarist consuls, but also their extradition, but were refused. The instability of the situation in Russia and the threat of the introduction of Red Army units into the territory of the province forced its authorities to continue contacts with Soviet representatives, while maintaining relations with former consuls. The events on the fronts of the Civil War led to the fact that the authorities of Xinjiang finally refocused on establishing relations with representatives of Soviet Russia, and the former tsarist consuls, except A.A. Dyakov, left Xinjiang, and then China.

Key words:

China, Soviet Russia, Civil War, Xinjiang, consuls, Soviet representatives.

For citation:

Nazementseva E.N. “Fall” of Imperial and “Rise” of Soviet Policy in Xinjiang Province: Diplomats of the Former Russian Empire and “Soviet Consuls” in 1917–1920 // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 5. Pp. 143–158. DOI: 10.31857/S013128120021109-0.

References

- Ablazhej N.N., Nazemceva E.N.* Kirbezheny i russkie jemigranty v Zapadnom Kitae: puti reshenija bezhenskogo voprosa (po materialam NKID RSFSR leta 1923 g.) [Kirrefugees and Russian emigrants in Western China: ways to solve the refugee issue (based on the materials of the NKID of the RSFSR in the summer of 1923)]. *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Serija istoricheskie nauki. Filosofija. Religiovedenie*. 2020. No. 4 (133). S. 13–23. (In Russ.)
- Ablazhej N.N., Nazemceva E.N.* Russkij anklav v Kitajskom Altae v 1917 godu: itogi kolonizacii russsko-kitajskogo prigranich'ja [Russian enclave in the Chinese Altai in 1917: the results of the colonization of the Russian-Chinese border]. *Istoricheskij kur'er*. 2020. No. 4. S. 67–86.
URL: <http://www.istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-06.pdf> (accessed: 07.07.2022). (In Russ.)
- Barmin V.A.* Vzaimootnoshenija rossijskoj diplomaticheskoi missii i poddannyh Rossii v Sin'czjane s belym dvizheniem v 1919–1920 gg. [The relationship of the Russian diplomatic mission and Russian subjects in Xinjiang with the White movement in 1919–1920]. *Aktual'nye problemy Central'noj Azii i Kitaja: istorija i sovremennost'. Sbornik nauchnyh statej pamjati B.P. Gurevicha*. Barnaul: Azbuka, 2006. S. 243–255. (In Russ.)
- Barmin V.A.* K voprosu o sotrudnichestve byvshih konsulov carskogo i vremennogo pravitel'stv Rossii v Sin'czjane s belogvardejskim dvizheniem [On the issue of cooperation of former consuls of the Tsarist and Provisional government of Russia in Xinjiang with the White Guard movement]. *Central'naja Azija i Sibir'. Pervye nauchnye chtenija pamjati E.M. Zalkinda: materialy konferencii / pod red. V.A. Moiseeva*. Barnaul: Azbuka, 2003. S. 28–33. (In Russ.)
- Barmin V.A.* O sotrudnichestve i vzaimodejstvii rossijskich konsul'stv v Sin'czjane s belogvardejskimi chastjami atamana B.V. Annenkova v 1919–1920 gg. [On cooperation and interaction of Russian consulates in Xinjiang with the White Guard units of Ataman B.V. Annenkov in 1919–1920]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arheologija*. 2015. No. 3/2. (In Russ.)
- Documents from Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (*AVP RI*). (In Russ.)
- Hejfec A.N.* Sovetskaja Rossija i sopredel'nye strany Vostoka v gody Grazhdanskoj vojny (1918–1920) [Soviet Russia and neighboring countries of the East during the Civil War (1918–1920)]. M.: Nauka, 1964. 472 s. (In Russ.)
- Shemetova T.A.* O haraktere dejatel'nosti rossijskich konsulov v Sin'czjane v 1918–1920 gg. (na primere Kul'dzhinskogo okruga) [On the nature of the activities of the Russian consuls in Xinjiang in 1918–1920. (on the example of the Kuldzhinsky district)]. *Fundamental'nye issledovanija*. 2015. No. 2 (23). S. 5240–5244. (In Russ.)
- Shemetova T.A.* Ustanovlenie torgovo-jekonomicheskikh i politicheskikh otnoshenij sovetskoj Rossii s kitajskoj provinciej Sin'czjan v 1917–1920 gg. [Establishment of trade, economic and political relations of Soviet Russia with the Chinese province of Xinjiang in 1917–1920]. *Rossija, Sibir' i Central'naja Azija: vzaimodejstvie narodov i kul'tur. Materialy Chetvertoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. Vyp. 4. Barnaul: Azbuka, 2003. S. 414–421. (In Russ.)
- Sizova A.A.* Konsul'skaja sluzhba Rossii v Mongolii [The Consular Service of Russia in Mongolia]. M.: Nauka, 2015. S. 172–177. (In Russ.)
- Usov V.N.* Sovetskaja razvedka v Kitae. 20-e gody HH veka [Soviet intelligence in China. The 20s of the twentieth century]. M.: Olma-press, 2002. 384 s. (In Russ.)